НОВЫЕ НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

ББК 83.3(4Рос)3; УДК 821.161; DOI 10.21638/11701/spbu19.2017.207

Д. М. Буланин

МАКСИМ ГРЕК: ГРЕЧЕСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ИЛИ МОСКОВСКИЙ КНИЖНИК?

Для того чтобы вернуться к обсуждению вопроса, вынесенного в заглавие статьи и не раз уже служившего предметом жарких ученых (и не совсем ученых) дискуссий, есть и конкретные поводы, и основательная причина. Поводов у меня два — это пропуски в полном издании сочинений Максима Грека — в том разделе, где собрана грекоязычная часть его наследия¹. Среди текстов, относящихся к афонскому периоду жизни писателя, недостает недавно отождествленного и опубликованного по автографу Максима 1509 г. Канона священномученику Еразму (Athos, Docheiariou, 198)². Замечу, что после

¹ Максим Грек, преподобный. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 81–116.

² Τσιλιγιάννης Κ. Ἁγίου Μαξίμου τοῦ Γραικοῦ ἱερά Ἀκολουθία γιὰ τὸν ἅγιον Ἐρασμο. Ἀγιον Ὅρος, (2005).

9-й песни Канона находится и синаксарное житие святого, тоже сочиненное (или восстановленное по ветхому оригиналу, на который ссылается автор) Максимом Греком, житие, которое не совпадает ни с пространным мартирием Еразму, ни с проложной его памятью, которая мне известна только по славянскому переводу (вторая редакция Пролога)³. Следовательно, если составители полного собрания сочинений святогорца по каким-то соображениям исключили из издания его гимнографическое творчество (не опубликован написанный по-гречески Канон Иоанну Крестителю и славянский Канон Параклиту), на новонайденный текст их ограничения не должны бы распространяться. Вторая добавка к разделу, который отведен текстам Максима, написанным на греческом языке, заслуживает большего внимания, потому что речь идет о стихотворении из восьми строк, составленных элегическим дистихом. Такая изысканная форма выбрана Максимом Греком (в то время известным еще под мирским именем Михаила Триволиса) для эпиграммы, находящейся на переписанной им части кодекса Vaticanus Reg. 83, f. 157–247 («География» Страбона)⁴. Перед нами случай не единственный — колофоном в виде двустилия того же размера отметил наш переписчик свою работу над рукописью с трактатом «Геопоники» (Parisinus Gr. 1994).

С публикацией Канона Еразму и стихотворной миниатюры в «Географии» к грекоязычной части сочинений Максима Грека прибавилась пара очередных кирпичиков. Соответственно, эта составляющая его наследия приобретает еще более внушительные масштабы. Что же туда входит? Прежде всего, не столь уже малочисленные рукописи, полностью или частично копированные им в его бытность на территории Италии (помимо названных двух кодексов сюда относятся Oxford, Canon. Gr. 27; Vaticanus Gr. 1379; Vaticanus Barb. 100; Cremonis Gr. 177; Laurentianus Plut. 55.20)⁵. Н. В. Синицына высказала довольно правдоподобную мысль, что Михаил Триволис подвизался в Италии как греческий писец-профессионал. Добавим к приведенному перечню два греческих кодекса, переписанных нашим героем при совсем иных обстоятельствах — в русский период его жизни: РНБ, Софийское собр., № 78; собр. Кирилло-Белозерского мон., № 120/125. Гораздо важнее, нежели работы Михаила Триволиса / Максима Грека как переписчика, оригинальные греческие тексты, вышедшие из-под его пера. Со времени знаменитой книги И. Денисова за Михаилом Триволисом числятся шесть писем, составленных в конце XV — начале XVI в. и адресованных его соотечественникам, как и автор, пытавшим своего счастья в Италии. Тот же ученый разыскал небольшие по размеру поэтические упражнения Михаила, ставшего уже иноком Максимом, которые относятся к афонским годам его жизни. Это пять греческих стихотворений и Канон Иоанну Крестителю⁶. И. Шевченко, исправивший некоторые ошибки в публикации Денисова,

³ Об отсутствии памяти Еразму в греческом Синаксаре см.: *Halkin F.* La légende grecque de saint Érasme // *Analecta Bollandiana*. 1983. Vol. 101. Fasc. 1–2. P. 5, note 7. О текстах, посвященных Еразму, в славянской традиции см.: *Православная энциклопедия*. М., 2008. Т. 18. С. 590–592; *Творогов О. В.* Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. М.; СПб., 2008. С. 56–57.

⁴ *Speranzi D.* Michele Trivoli e Giano Lascari // *Studi Slavistici*. 2010. Т. 7. P. 277, nota 78.

⁵ *Синицына Н. В.* Раннее творчество преподобного Максима Грека // *Максим Грек, преподобный*. Сочинения. Т. 1. С. 21; *Speranzi D.* Michele Trivoli e Giano Lascari. P. 278–280.

⁶ *Denissoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Paris, 1943. P. 396–420.

нашел второй список двух из учтенных им стихотворений в рукописи Vindobonensis Hist. Gr. 122. К стихам с именем Максима Триволиса в венской рукописи примыкает короткое стихотворение, посвященное Димитрию Солунскому, которое, на этом основании, Шевченко также атрибутирует Максиму Греку⁷. Кроме того, с деятельностью Максима на Афоне связано изготовление копии с древнего акта Кастамонита, о чем он сделал в копии специальную приписку⁸.

Указанные выше Псалтирь и Апостол на греческом языке могли уже служить намеком на то, что и в Московском государстве, где ему пришлось провести вторую половину своей многотрудной жизни, Максим Грек продолжал думать и писать по-гречески. Между прочим, он сочинил особое стихотворение, которое должно было служить проверкой знаний у тех, кто бы вздумал предложить в Москве свои услуги в качестве переводчика. Оригинал этого текста на тему, «како подобает входить во святя Божия храмы», известного нам лишь в прозаическом славянском переводе, был написан «ирийскою и елегийскою мерою», следовательно, по-гречески. Нашлись и документальные подтверждения тому, что писатель работал параллельно на двух языках. Х. М. Лопарев обнаружил в рукописи Флорищевой пустыни греческий оригинал послания Максима Грека Петру Шуйскому, прежде известного лишь в славянской версии⁹. Наличие двух вариантов одного текста, греческого и славянского, позволило высказать предположение, что какая-то часть других его произведений, которую мы знаем только в славянской традиции, была первоначально написана Максимом Греком по-гречески. Потом либо сам автор, либо его помощники изготовляли перевод. Предположение блестяще подтвердилось, когда П. Бушкович открыл, можно это смело сказать, новую страницу в изучении творчества ученого святогорца. В рукописи Vindobonensis, Phil. Gr. 202 он прочел два греческих стихотворения нравоучительного содержания, которые опознал как сочинения Максима Грека, известные раньше только в славянском прозаическом переводе под названиями «Слово о покаянии» и «Слово обличительно на еллинскую прелесть»¹⁰. Из сопроводительной записки в конце второго стихотворения, датированной 1551/1552 г., следует, что стихи предназначались для некоего Макробия. По-видимому, мы имеем дело с псевдонимом. Как будет показано впоследствии, открытие такой оппозиции — греческие варианты произведений в изысканной поэтической форме — они написаны элегическим дистихом, с одной стороны, и славянский, прозаический и стилистически обедненный их эквивалент, с другой стороны, — потребовало

⁷ Исследователь опубликовал два варианта статьи под одним заглавием в разных журналах. См.: *Ševčenko I. On the Greek Poetic Output of Maksim Grek // Palaeoslavica. 1997. Vol. 5. P. 181–276; Byzantinoslavica. 1997. Vol. 58. Fasc. 1. P. 1–70.* — В дальнейшем ссылки даются на вторую из публикаций.

⁸ *Фонкич Б. Л. Греческие рукописи и документы в России в XIV– начале XVIII в. М., 2003. С. 71–73.*

⁹ *Лопарев Х. Заметка о сочинениях преп. Максима Грека // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Т. 3. С. 50–70.*

¹⁰ *Бушкович П. Максим Грек — поэт-«гипербореец» // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47. С. 215–228 (на с. 229–240 мой стихотворный перевод). Издание с исправлением ошибок в первой публикации см.: Ševčenko I. On the Greek Poetic Output... P. 10–41.*

полностью пересмотреть внутренний механизм литературного творчества Максима Грека в московский период его жизни.

Сказанным о грекоязычной половине наследия Максима Грека дело не ограничивается, но дальше мы уже переходим от фактов к более или менее убедительным предположениям. Продолжая свои разыскания, касающиеся творчества Максима Грека, Шевченко обратил внимание на найденные в рукописи Vallicellianus R100 «Поучения», написанные на греческом языке от имени великого князя Московского Василия III и адресованные его сыну, будущему царю Ивану IV. Как выяснилось, мы имеем дело с плагиатом, поскольку «Поучения» представляют собой поверхностно обработанный текст, составителем которого в первоначальном виде был другой правитель — Валахский господарь Нягое Басараб, обращавшийся с наставлениями к своему сыну Феодосию. Сочинение известно в трех версиях — славянской, греческой и румынской, причем переписчиком (а возможно и автором) греческой версии был Великий ритор Мануил Коринфский. В новонайденной рукописи читается владельческая запись Федора Мама-лаха, находившегося в середине XVI в. в Константинополе. И все же, если учесть, что в своих стихах афонского периода Максим слагал похвалы как Нягое, так и Мануилу, мысль Шевченко о причастности писателя к переделке наставлений «валахского Марка Аврелия» не кажется совсем невозможной¹¹. На более солидном фундаменте строится второе предположение, которое высказывал уже и автор этих строк, но особенно подробно развил все тот же Шевченко. В самом начале своего «Слова обличительного на еллинскую прелесть» — и в греческом, и в славянском его вариантах — автор ссылается как на ранее написанное на собственное произведение, обличающее иудейскую веру. Поскольку в старших собраниях сочинений Максима Грека «Слову обличительному на еллинскую прелесть» действительно предшествует «Слово о Рождестве Господа <...> в том же и на иудея», гипотеза о том, что и это последнее произведение поначалу было написано греческими стихами, выглядит весьма соблазнительной. Шевченко даже пытается найти следы поэтического стиля в славянском прозаическом варианте сочинения¹². В дальнейшем мы попробуем распространить данную гипотезу еще на ряд текстов, чья судьба была сходна с судьбой упомянутых слов. Что касается Шевченко, то он предлагает небезынтересные сравнительные подсчеты поэтического наследия в классическом роде. Из подсчетов явствует, что по количеству сочиненных им стихотворных строк Максим Грек оставил далеко позади таких известных лиц из греческой диаспоры, его современников, как Иоанн Ласкарис, Марк Музурос, Антоний Эпарх¹³.

Собранные на сегодняшний день сведения о письменных трудах Максима Грека на греческом языке побудили некоторых специалистов в новой перспективе взглянуть на все его творчество, а именно — признать его, прежде всего, поствизантийским писателем, чьи многочисленные труды на славянском языке лишь из-за превратностей судьбы автора стали достоянием Московской Руси. Отсюда нетрудно было сделать целую серию спорных выводов. Раз утонченный эллинист, каким был наш герой, остался непризнан

¹¹ *Ševčenko I.* Gleaning 1: On the Term «ἀνωτάτου Ῥωσίας» in Maksim Grek Once More and on Prince Vasilij III's Purported «Admonitiones» to the Future Ivan IV // *Palaeoslavica*. 1998. Vol. 6. P. 291–294.

¹² *Ševčenko I.* On the Greek Poetic Output... P. 56–58.

¹³ *Ševčenko I.* On the Greek Poetic Output... P. 60–61.

в Москве, это — естественное следствие варварского состояния ее культуры. Дикостью москвитов объясняют и то, что, не нашедши применения познаниям своего гостя, они много лет продержали его в монастырской тюрьме. ореол мученика, который обрамлял чело Максима Грека начиная с XVI в., засиял новыми красками после его канонизации Русской православной церковью в 1988 г. и оживил мысль о трагедии, разыгравшейся будто бы из-за несовместимости просвещенного ума с невежественным окружением. Подобные суждения звучали и прежде, когда Максима называли «первым просветителем русских»¹⁴. Теперь, с причтением его к лику святых и после открытий, относящихся к его писательской и поэтической деятельности на греческом языке, принижение московской культурной среды зазвучало с новой силой. Синицына категорически характеризует обвинения московских соборов в адрес афонского старца как «надуманные»¹⁵, откуда другие закономерно делают вывод, что прибывшему с Афона страдальцу пришлось в одиночку противостоять незаконному народу России (ὁ ἑρ τοῦ ἀδικουμένου ρωστικοῦ λαοῦ)¹⁶. Реанимация подобных стереотипов и является причиной, побудившей меня вернуться к дискуссии о соотношении византийской и древнерусской составляющих в творчестве Максима Грека.

Особенно далеко продвинулся на этом пути, на пути противопоставления «луча света» и «темного царства», Шевченко в статье, в которой он подводит итог своих конкретных исследований, касающихся наследия Максима Грека. Статья озаглавлена «Четыре мира и две загадки Максима Грека»¹⁷. Какие четыре мира понимает исследователь, ясно без дополнительных комментариев: это мир итальянских гуманистов, мир афонского монашества, мир находившейся в тесных контактах с Афоном Валахии, мир, на который распространялась власть Московских государей. Не задерживается особо Шевченко и на первой из объявленных им в заглавии работы загадке. Таковой он считает не известные нам побудительные мотивы, приведшие Михаила Триволиса, будущего Максима Грека, в качестве послушника в доминиканский монастырь Сан-Марко и примерно через два года заставившие его покинуть стены монастыря. Главный предмет раздумий византиниста — вторая загадка, суть которой он несколько затрудняется сформулировать: «Это — скорее проблема, чем загадка: проблема понятийной идентификации и представления об отечестве у самого Максима Грека». Для Шевченко московский период жизни Максима — какое-то недоразумение, досадная помеха в благополучно складывавшихся жизни и творчестве греческого эрудита и стихотворца. Отъезд в Москву с Афона, полагает исследователь, — роковая житейская ошибка ватопедского постриженника, за которую он заплатил дорогую цену. Истинной духовной родиной ученого старца Шевченко считает Ватопедский монастырь, не очень корректно (мягко говоря) применяя к православному монаху XVI в. девиз современных космополитов: *ubi bene ibi patria* (как быть с монашеским подвигом? со смирением? что делать с обетом послушания?). Исследователь согласен считать своего героя русским

¹⁴ Παπαμιχαήλ Γ. Μάξιμος ὁ Γραικός ὁ πρῶτος φωτιστής τῶν Ρώσων. Ἀθήνα, 1951.

¹⁵ Синицына Н. В. Максим Грек. М., 2008. С. 193.

¹⁶ Τσιλιγιάννης Κ. Ἀγίου Μάξιμου τοῦ Γραικοῦ ἱερά Ἀκολουθία... Σ. εθ.

¹⁷ Шевченко И. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега: К 60-летию С. П. Карпова от коллег и учеников. М., 2009. С. 477–490.

писателем только в географическом смысле, поскольку в России тот провел вторую половину жизни.

При всей остроумности подобного рода рассуждений, они страдают традиционными изъянами, мешающими адекватно описать культурную ситуацию в Москве тем, кто подходит к ней с чужими мерками. Изъяны эти суть проецируемые на русскую культуру индивидуализм, эволюционизм, европоцентризм. Чем усердно занимались рассеявшиеся по Европе греки после падения Византии? — начинает свои размышления Шевченко. Они силились убедить новое окружение, куда их заносила судьба, в достоинствах греческой культуры, одновременно демонстрируя свою ученость, а также пытались подвигнуть новообращенных патронов на войну с поработившими их родину турками. Шевченко справедливо замечает, что и прибывший в Москву Максим Грек стал работать в двух указанных направлениях, не считаясь с тем, насколько это соответствовало потребностям принимающей стороны. Действительно, на процессах, закончившихся осуждением афонского старца, затрагивались и его политические грехи — то, что он «подымал» султана против великого князя, хотя в планы последнего война с Турцией явно не входила. Однако же центр тяжести обвинительной стороны был смещен в другую сторону, и здесь уже логика рассуждений и дальнейшего поведения москвитов ставит Шевченко в тупик. Он не понимает, что московские идеологи встретили в штыки книжную справу Максима Грека не из-за своего низкого культурного уровня, а из-за несоответствия духовному климату Москвы самой попытки устранить ошибки русских книг с помощью греческих оригиналов. Нельзя объяснить суровые решения соборов по отношению к Максиму Греку одной только пристрастностью судей. Читая дошедшие до нас (хотя в весьма искаженном виде) протоколы прений ученого грека с его московскими судьями, невольно ловишь себя на мысли, что спорящие плохо понимают друг друга. Процессы над Максимом Греком со товарищи не были результатом столкновения отдельно взятых субъектов. Под обманчивой видимостью борьбы людей с их личными симпатиями и антипатиями лежал конфликт двух культур с разной системой ценностей. Афонский старец, искушенный во всех трех науках тривиума, явился на Русь убежденным эллинофилом. Сокровища греческой духовной культуры, авторитет греческой церкви, незыблемость ее церковного предания он отстаивал особенно запальчиво. Между тем как в России, в ту же самую эпоху, вызревала идеология священного Московского царства, во многом строившаяся на отрицании исторического опыта Византии, оказавшейся под пятой турок. Крепла уверенность в том, что во всей христианской ойкумене одно только Московское царство сохранило верность православию, а значит именно русское церковное предание находится в реальной связи с сакральными прообразами. Москва объявляется Третьим Римом, что подразумевает окончание провиденциальной миссии Второго Рима — Константинополя.

Занимаясь периодизацией истории славянских переводов, я обозначил московскую письменность XVI в. как «беспереvodный» период¹⁸. Он «беспереvodный» не только по причине малого количества новоприбылых текстов, но главным образом из-за объявленного тогдашними русскими идеологами курса на культурный изоляционизм. Впрочем, нужно понять, что речь должна идти не о четко артикулированном «курсе»

¹⁸ История русской переводной художественной литературы. СПб., 1995. Т. 1. С. 46–47 (автор раздела — Д. М. Буланin).

культурной политики в современном смысле слова, а скорее о попытке приноровиться к переменам в ходе истории. Потому-то и возможным оказался такой парадокс, как суд и расправа над тем самым греком-переводчиком, которого вызвали в Москву себе на помощь судившие его впоследствии деятели «беспереводного» периода. Хотя они и нуждались в эксперте, но никак не могли поступиться традиционной у славян теорией текста, постулировавшей мотивированную связь между обозначающим и обозначаемым и предопределявшей сакральную природу старой славянской книжности. Между тем, Максим Грек, вторгаясь в словесную ткань ошибочных переводов, подчеркнуто пренебрежительно относился к их достоинствам: «Ты zde нашей земли Руской святых книг никаких не похвалишь, — пеняли ему оппоненты, — но паче укаряешь и отметаешь, а сказываешь, что здесь на Руси книг никаких нет»¹⁹. Шевченко напрасно иронизирует по поводу того, что «обвинения в ереси, выдвинутые против него, ... как это ни забавно, касались его мнимого филологического невежества».

В первые по приезде годы, пока над его головой не сгустились тучи, Максим Грек успел сделать для русской письменности много — он переводил новые книги и отдельные статьи, исправлял прежде переведенные тексты, толковал неведомые его московским читателям символы и понятия, составлял сложные полемические трактаты, особенно против латинян и любителей астрологических прогнозов. Поскольку значительная доля вышедших тогда из-под его пера текстов, сразу или с опозданием, органически влилась в московскую письменность, уже применительно к этой доле мы вправе числить автора не только греческим, но и русским писателем. Выстроить хронологию литературного творчества писателя нелегко, но написанное им в начальные московские годы явно не исчерпывалось тем, что с чрезмерной осторожностью включено издателями в первый том его собрания сочинений (см. примеч. 1). С другой стороны, мы не можем быть уверены, что Максим Грек научился о ту пору самостоятельно изъясняться на славянском языке. Представление о нем как о поствизантийском деятеле, щедро делившемся своими знаниями в новой среде, в наибольшей степени соответствует именно начальному периоду его творчества в Москве. Тогда он еще отчетливо противопоставлял свою позицию стороннего наблюдателя московскому духу культурного самодовольства, причем делал это достаточно бесцеремонно — то критикуя автокефалию русской церкви, то сомневаясь в святости русских чудотворцев, то возмущаясь приложением к Москве возвеличивающих ее сравнений (Новый Иерусалим), то насмехаясь над отсутствием у славянских книжников правильного школьного образования. В мои задачи не входит ни умалять, ни возвеличивать Максима Грека, но ставшее теперь эталоном изображение его невинным страдальцем, когда игнорируются его провокационные заявления, явно упрощает подлинный, много более сложный баланс сил. Афонский гость понес наказание как религиозный вольнодумец, но дополнительное озлобление вызвало у судей его предосудительное самомнение, недостаток смирения.

Условия жизни в Иосифо-Волоколамском монастыре были тяжелыми: Максима Грека заключили в оковы, лишили причастия и — для литературного деятеля столь же мучительное испытание — запретили писать. Некоторую «ослабу» узник получил после второго собора 1531 г., да и то не сразу. В полной мере вернуться к литературному творчеству он смог не ранее конца 1530-х гг. Находясь в узилище, ученый старец многое

¹⁹ Судные списки Максима Грека и Исаака Собаки. М., 1971. С. 110.

передумал заново. С того момента, когда он возобновил свои книжные труды, рядом с поствизантийским эрудитом Михаилом-Максимом Триволисом мы видим Максима Грека, одного из самых читаемых и авторитетных писателей Древней Руси. Что в этой смене декораций является собственным достижением автора и что побудило по-новому взглянуть на его заслуги русских любителей благочестивого чтения?

Попробуем разобраться. Главная тенденция новосочиненной серии произведений бывшего афонского инока — апологетическая. И здесь напрашивается многозначительная аналогия. Едва ли не самое яркое воспоминание Максима Грека о жизни в Италии связано с реформаторской деятельностью Дж. Савонаролы. Когда-то Б. И. Дунаев обратил внимание на то, что, оказавшись в сходной ситуации, Максим Грек действовал по образцу высоко им почитаемого флорентийского мученика. Тот в ответ на гонения написал и издал «Торжество креста» (1497), где, вслед за подробной декларацией своего вероучения, пустился (в Книге 4-й) в обличение иудейства и магометанства, ложных учений древних философов, астрологии²⁰. То есть Савонарола защищался и прямо, и косвенно.

Тот же прием духовной обороны выбрал Максим Грек: получив, после долгого перерыва, в руки перо, он превратил его в оружие самозащиты. Развивая догадку Дунаева, Н. В. Синицына выделила в начальной части сборников с творениями Максима устойчивый комплекс из 12-ти номеров, начинающийся его «Исповеданием веры» и продолжающийся текстами, которые как через самооправдание, так и через разоблачение лжерелигий и лжеучений удостоверяют чистоту православия сочинителя²¹.

Хотя в одном из сочинений Максим Грек поведал московским читателям трагическую историю единоборства великого флорентийца с силами зла («Повесть страшная и достопамятная и о совершенном иноческом жителстве»), он, разумеется, не рискнул раскрыть перед ними, что первоначальный импульс его труд получил от трактата монаха-доминиканца. Вместо того он занялся комплектованием новых, более обширных собраний своих творений, конечно, ориентируясь не на католическую, а на византийскую традицию. Так, вслед за комплексом из 12-ти глав появились собрания из 25-ти, потом из 47-ми, наконец, из 73-х глав. Каждое из них, по принципу матрешек, включает предыдущее, с незначительными переменами. Процесс на этом не завершился, но следующие по порядку собрания комплектовались уже после смерти автора.

Итак, мы знаем, что автор принялся продуцировать сборники собственных трудов с апологетическими целями. Они были средством доказать чистоту своего православия. Отсюда — резкое различие между общим тоном писаний Максима Грека до осудивших его соборов, с одной стороны, и теми, что появились на свет в последние годы жизни, с другой стороны. Из столь печально закончившегося противостояния идеологам нарождающегося Московского царства ученый грек сделал практические выводы. Теперь он избегает не только скользких вопросов, но и вообще любой конкретики. Основная масса текстов, составленных писателем в последние полтора десятилетия его жизни, сочинена была специально для авторских сборников. Темы, обсуждаемые в каждом из слов этих сборников, берутся в предельной абстракции, отвлеченные от реальных имен

²⁰ Дунаев Б. И. Сочинения Савонаролы и Максима Грека // Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 56–58.

²¹ Синицына Н. В. Максим Грек и Савонарола // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 149–156.

и обстоятельств, очищенные от бытовых деталей. Отсюда рождаются аллегории, вроде плачущей Василии-царства, персонификаций добра и зла в Филоктимоне и Акимоне, олицетворений вступающих в разговор Ума и Души.

В свои авторские сборники Максим Грек, по-видимому, включал и написанное им много лет назад, до церковных соборов. Но при этом он подвергал собственные опусы автоцензуре, безжалостно вымарывая оттуда все, что могло бы раздражить церковные власти. Содержание своих старых писаний он нивелировал, подгоняя под обусловленные новыми задачами новые стандарты, вычеркивал имена и факты, менял форму и жанр. Об этих манипуляциях мы можем судить, потому что до нас частично дошел архив писателя (РГБ, собр. Румянцева, № 264; РНБ, Q.I.219; ГИМ, Синодальное собр., № 791). Важно, что, определенным образом стилизуя свое творчество, Максим Грек неуклонно ориентировался на святоотеческую учительную литературу. Именно она служила тем идеалом, по которому моделировал свою позднюю писательскую и редакторскую деятельность афонский старец. Если воспользоваться современной терминологией, мы скажем, что составитель сборников сочинений на славянском языке — это лирический герой, с которым неправильно было бы отождествлять реального автора.

Теперь, когда нам доступны греческие варианты некоторых из произведений писателя, включенных в сборники на славянском языке («Слово обличительно на еллинскую прелесть» является гл. 6 в самом раннем из собраний, «Слово о покаянии» — это гл. 16 в собрании из 25-ти глав), мы получили представление о другом лирическом герое, совсем не похожем на обрисованного выше. Сводятся ли различия между греческим и славянским вариантами слов только к использованию двух разных языков? Никоим образом. Начнем с того, что лежит на поверхности. Оба слова в их славянском варианте представляют собой прозу, мало отличающуюся по языку и стилю от современных им произведений московских книжников.

Греческая версия составлена элегическим дистихом, стихотворным размером, входящим к классической древности. Примечательно, что, переводя сам эти стихи (так считает Шевченко) или пользуясь услугами какого-то помощника, Максим Грек не делает никаких попыток передать их стихотворную природу. Элегический дистих обращает сочинителя к глубоким пластам эллинистической культуры, воскрешает в воображении стихотворца лексику античной древности. Все это в полной мере проявилось в греческих стихах Максима Грека, сочетание в которых антикизирующего стиля, включая гомеризмы, с учительным пафосом слов создает вполне своеобразное антиномическое целое. Стилистические красоты гекзаметров и пентаметров не только неразличимы в славянской прозе, они последовательно оттуда изгоняются, как несоответствующие религиозному пуризму москвитов. Если бы не счастливая находка Бушковича, немислимо было бы различить за славянскими вариантами «Слова о покаянии» и «Слова обличительного на еллинскую прелесть» стихотворный субстрат.

И здесь вполне уместно вернуться к вопросу о конфликте между культурой византийской интеллектуальной элиты, носителем которой явился Максим Грек, и культурой средневековых славян, не допускавшей конфессионально безразличного обращения со словом. Мы видели, чем закончился этот конфликт для ученого старца, который, похоже, на соборах 1525 и 1531 гг. не осознавал еще глубину такой цивилизационной несовместимости. Но составитель сборников своих избранных творений был уже другим человеком, человеком, умудренным горьким опытом, — не только византийским писателем, но и московским книжником. Как было сказано, те строго организованные

собрания сочинений, над которыми работал Максим Грек, включали тексты, необходимые и достаточные для обеления автора в глазах его московского окружения. Единые по своей функции, тексты в авторских сборниках могут быть определены как однородный слой в литературном наследии писателя (сравнительно с ранними писаниями). Венские находки открыли перед нами двойное дно именно в этом, самом официозном слое. Оказалось, что в субстрате такого официоза лежат тексты, сочиненные в рамках совсем иной эстетики, причем вполне допустимо предположение, что стихами были написаны и все остальные слова из собраний в 12 и даже в 25 глав. Максим Грек работал одновременно на двух регистрах, распространяя по Московскому государству лишь одну половину написанного. А то, что он сочинял по-гречески в лучших традициях эллинизма, осторожный старец не спешил показывать москвитам.

Только благодаря аккуратности ближе нам не известного Макробия мы узнали о существовании такого потаенного субстрата. Как и его славянский эквивалент, этот субстрат есть тоже продукт литературной стилизации. И лирический герой субстрата также лишь до известных пределов соотносится с реальным автором. Согласившись с таким выводом, мы не будем подходить к описанному беспрецедентному феномену в древнерусской литературе с мерками вневременной морали и рассуждать об издержках любой системы двойных стандартов.

Задумаемся о другом: о том, каким виделся составитель внушительных по объему собраний сочинений его современникам — московским книжникам. Стремление к циклизации своих произведений заметно у многих древнерусских писателей конца XV—XVI в. Назовем имена Нила Сорского, Иосифа Волоцкого, митрополита Даниила, Ермолая-Еразма. И все-таки сборники сочинений Максима Грека с их четкой организацией и стремлением охватить все сферы духовной жизни представляют собой на этом фоне явление уникальное. Они соотносятся не со славянской книжностью, а с патристикой, которая, как мы уже отметили, служила для нашего героя своеобразным камертоном и при выборе тем, и при их трактовке. Если сам старец лишь осторожно примеряет свои писания к творениям отцов, его московские почитатели, не сомневаясь, возносят эти писания на тот же уровень. Для них сочинивший их автор был преподобным, авторитет его ничуть не уступал авторитету отцов.

Чтобы осознать этот феномен в полной мере, необходимо учитывать, что древнерусская литература в собственном смысле слова была по преимуществу анонимной. Появление в заголовке имени отечественного автора обычно не меняло положения дел: творение представляло в рамках такой культурной парадигмы большую ценность, нежели его творец, воспринимавшийся как элемент факультативный. В большинстве случаев древнерусские тексты извлекаются поштучно из сборников разнообразного содержания. Сочинения Максима Грека представляли собой в русской средневековой письменности знаменательное исключение: это единственный писатель, труды которого распространялись в виде рукописных книг, содержащих слова одного автора (самая близкая аналогия — значительно более скромная Книга Григория Цамблака). В таком виде у нас тогда циркулировали только творения отцов церкви — Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого и др. Таковы эталоны, наравне с которыми читали и почитали в Москве Максима Грека. О масштабах его популярности позволяет судить количество рукописных кодексов с собраниями сочинений ученого грека. Их насчитывают более ста тридцати единиц.

Как мы видели, толчок к подобному способу распространения — когда под одним переплетом концентрируются произведения одного автора — был дан самим Максимом Греком. Поистине поразительно, что эта его инициатива, которую в категориях книжной культуры Древней Руси могли счесть проявлением непомерной гордыни, напротив, встречена была с большим энтузиазмом еще при жизни автора и нашла продолжение после его кончины. Одно за другим вплоть до XIX в. создаются русскими начетчиками собрания сочинений ученого старца, пополняясь новыми и новыми словами и неуклонно разрастаясь в объеме.

Чем же заслужил наш автор такое внимание и такой почет? Предлагаю два взаимодополняющих объяснения этого чуда. Первое. Похоже, что московских книжников XVI в. привлекло к Максиму Греку, на склоне его лет, именно то, что послужило причиной его осуждения на соборах митрополита Даниила. Греческая ученость автора, прошедшего через горнило физических страданий и моральных испытаний, перестала восприниматься как стихия, инородная для славянской книжности. Составитель собраний сочинений достиг своей цели: его признали московским книжником, а через это реабилитирован был и его авторитет византийского эрудита. Если можно так выразиться, труды Максима Грека вместе с их сочинителем прошли трудный путь натурализации, и сама его критика перестала восприниматься как незаконное вторжение чужака во внутреннюю жизнь московской церкви. Иначе трудно объяснить, что в собрании из 47-ми глав (значит, апробированное автором) читается Слово, критикующее практику самостоятельного поставления московского митрополита (гл. 44). Поразительный факт, если учесть, что эта именно крамольная мысль была включена в состав преступления Максима Грека осудившими его прежде соборами.

Таково первое из объяснений авторитета Максима Грека и его писаний. Присовокупим к нему ссылку на другой фактор. Фактор этот — культурная политика изучаемой эпохи. Генерация и наиболее интенсивное распространение сборников сочинений святогорца пришлось на середину — вторую половину XVI в., которая характеризуется целой серией мероприятий, направленных на духовную консолидацию московского общества. Без нее не могла быть реализована идея священного царства. Тут и Макариевские соборы 1547 и 1549 гг., связанные с канонизацией русских святых, и сложение Иконописного подлинника, и еретические процессы 1553–1554 гг. Тут и собственно книжные затеи, которые иногда, не без налета анахронизма, называют «энциклопедическими»: «Стоглав» — книга об отношениях индивида и социума, «Домострой» — о нормах, организующих приватную жизнь, «Великие Минеи Четии» — с рекомендацией чтения на каждый день года, «Круг великий миротворный» — свод календарной премудрости. Осмысление провиденциальной роли Москвы требовало пересмотра и переоценки событий русской и мировой истории. Отсюда целый набор трудов исторической тематики, включая «Казанскую историю», а также такие грандиозные компиляции государственного масштаба, как «Степенная книга» и Лицевой летописный свод. Трудными новейших исследователей в круг подобных обобщающих мероприятий включены еще некоторые памятники, в частности, «Азбуковник» и Стихирарь «Дьячье око»²².

²² Ковтун Л. С. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Л., 1989. С. 117; Рамзанова Н. В. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII веков. СПб., 2004. С. 253–262.

Чтобы понять популярность и безоговорочный авторитет сборников сочинений Максима Грека, их нужно поставить в этот именно контекст. Каждый из его сборников тоже в некотором роде являл собой «энциклопедию» по православному вероисповеданию, с догматическим, этическим, полемическим, экзегетическим разделами. Если принять мой тезис о некоем идеальном сборнике сочинений Максима Грека как одном из обобщающих мероприятий середины XVI в., понятна будет непрерывная работа по пополнению состава реально обращавшихся в письменности кодексов с его текстами и по совершенствованию их структуры. Также понятно будет, почему автор рискнул включить в свои сборники слова с довольно острым полемическим запалом, вроде упомянутого Слова о поставлении митрополитов.

Обобщающие мероприятия с их конечной целью — превращением Москвы в священное царство — подразумевали не только консервацию существующего положения вещей, но и критику наиболее вопиющих отклонений от канона. Однако допускалась лишь внутренняя критика, и признание за Максимом Греком права на нее служит лучшим подтверждением нашей начальной посылки — того, что в конце его жизненной стези бывший афонский инок стал одновременно византийским писателем и московским книжником.

Данные о статье

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского Научного Фонда, проект № 16-18-10137.

Автор: Буланин, Дмитрий Михайлович — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института истории СПбГУ, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Санкт-Петербург, Россия, dmitriibulanin@yandex.ru

Заголовок: Максим Грек: греческий писатель или московский книжник?

Резюме: К числу важных открытий, касающихся творчества Максима Грека, относятся находки, существенно пополняющие грекоязычный раздел его наследия. Теперь можно утверждать, что, уже находясь в России, афонский старец многое писал параллельно на греческом и на славянском языках. Отсюда некоторые исследователи сделали опрометчивый вывод, что творчество Максима Грека в целом нужно рассматривать в русле поствизантийской традиции. В действительности, в течение долгих лет, пока писателя насильно удерживали в Московском государстве, его авторское самосознание претерпело эволюцию. Когда в конце 1530-х гг. Максима Грек вновь получил возможность писать, он подчинил свое творчество апологетическим задачам, прямому и косвенному доказательству своей ортодоксии. Для этого он усиленно комплектует одно за другим собрания своих сочинений, которые ориентированы как на патристическое наследие, так и на запросы современной ему московской идеологии. Свидетельством того, что труды ученого старца были признаны органической частью московской письменности, является исключительная популярность рукописных сборников его сочинений и высокий авторитет их сочинителя.

Ключевые слова: писатель, стихотворец, писец, книжная справа, патристика, священное царство

Литература, использованная в статье

Бушкович, Пол. Максим Грек — поэт-«гипербореец» // Труды отдела древнерусской литературы. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1993. Т. 47. С. 215–228.

Дунаев, Борис Иванович. Сочинения Савонаролы и Максима Грека // Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. Москва, 1907. Т. 4. Вып. 1. С. 56–58.

История русской переводной художественной литературы. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 1. 316 с.

Ковтун, Людмила Степановна. Азбуковники XVI–XVII вв.: Старшая разновидность. Ленинград: Наука, 1989. 296 с.

Лопарев, Хрисанф Мефодиевич. Заметка о сочинениях преп. Максима Грека // Библиографическая летопись. Петроград, 1917. Т. 3. С. 50–70.

Максим Грек. Сочинения. Москва: Индрик, 2008. Т. 1. 568 с.

Православная энциклопедия. Москва: Православная энциклопедия, 2008. Т. 18. 752 с.

- Рамазанова, Наталья Васильевна. Московское царство в церковно-певческом искусстве XVI–XVII веков. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2004. 456 с.
- Синицына, Нина Васильевна. Максим Грек и Савонарола // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. Москва: Наука, 1972. С. 149–156.
- Синицына, Нина Васильевна. Максим Грек. Москва: Молодая гвардия, 2008. 236 с.
- Судные списки Максима Грека и Исаа Собаки. Москва: Археографическая комиссия АН СССР, 1971. 194 с.
- Творогов, Олег Викторович. Переводные жития в русской книжности XI–XV веков: Каталог. Москва; Санкт-Петербург: Альянс-Архео, 2008. 144 с.
- Фонкич, Борис Львович. Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. Москва: Индрик, 2003. 512 с.
- Шевченко, Игорь. Четыре мира и две загадки Максима Грека // Море и берега: К 60-летию С. П. Карпова от коллег и учеников. Москва: Индрик, 2009. С. 477–490.
- Denissoff, Élie. Maxime le Grec et l'Occident. Paris: Université de Louvain, 1943. 460 p.
- Halkin, François. La légende grecque de saint Érasme // *Analecta Bollandiana*. 1983. Vol. 101. Fasc. 1–2. P. 5–17.
- Speranzi, David. Michele Trivoli e Giano Lascari // *Studi Slavistici*. 2010. T. 7. P. 263–297.
- Ševčenko, Ihor. On the Greek Poetic Output of Maksim Grek // *Byzantinoslavica*. 1997. Vol. 58. Fasc. 1. P. 1–70.
- Ševčenko, Ihor. On the Greek Poetic Output of Maksim Grek // *Palaeoslavica*. 1997. Vol. 5. P. 181–276.
- Ševčenko, Ihor. Gleaning 1: On the Term “ἀνωτάτου Ῥωσίας” in Maksim Grek Once More and on Prince Vasiliy III's Purported “Admonitiones” to the Future Ivan IV // *Palaeoslavica*. 1998. Vol. 6. P. 291–294.
- Παπαμιχαήλ, Γρηγόριος. Μάξιμος ὁ Γραικός ὁ πρῶτος φωτιστής τῶν Ῥώσσω. Ἀθήνα, 1951. 312 σ.
- Τσιλιγιάννης, Κωνσταντῖνος. Ἀγίου Μαξίμου τοῦ Γραικοῦ ἱερά Ἀκολουθία γιά τόν ἅγιο Ἐρασμο. Ἀγιον Ὅρος, (2005). 48 σ.

Information about the article

The paper is compiled with the financial support of Russian Scientific Foundation, project No. 16-18-10137.

Author: Bulanin, Dmitriy Mikhailovich — Doctor in Philology, Chief Academic Member, Institute of History at St. Petersburg State University, Institute of Russian Literature (Pushkin House) at RAS, St. Petersburg, Russia, dmitriibulanin@yandex.ru

Title: Maxim the Greek: Was he a Greek Litterateur or an Expert in Muscovite Writings?

Summary: Among the main discoveries concerning the literary activity of Maxim the Greek is the identification of the series of items written by him in Greek. By now we can be quite sure that our Hagiorite even during his sojourn in Muscovy composed a great number of his works simultaneously in Greek and in Church Slavonic. Basing on the newly discovered facts several specialists have made an ill-founded conclusion that the total corpus of Maxim's writings should be considered as the phenomenon of post-Byzantine literary activity. However during the years the Hagiorite was kept in Muscovy the self-identification of the writer changed considerably. By the end of the 1530th when Maxim the Greek was allowed to continue his literary work his purpose was to declare his orthodoxy in every possible way. Therefore he started to compose one after another the volumes of his selected works. Doing it he tried to imitate the patristic tradition and at the same time he tried to be in the mainstream of the Muscovite ideology of his time. The popularity of the manuscripts composed of his writings and the authority of his personality prove Maxim's opera were considered to be the natural part of Muscovite literary tradition.

Keywords: litterateur, poet, scribe, book revising, patristic, sacral kingdom

References

- Bushkovich, Paul. Maksim Grek — poet-«giperboreets» [Maxim the Greek as a Poet «Hyperboreus»], in *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1993. Vol. 47. P. 215–228 (in Russian).
- Dunaev, Boris Ivanovich. Sochineniya Savonaroly i Maksima Greka [The Writings of Savonarola and of Maxim the Greek], in *Trudy Slavyanskoy komissii imp. Moskovskogo arheologicheskogo obshchestva*. Moscow, 1907. Vol. 4. Issue 1. P. 56–58 (in Russian).
- Fonkich, Boris L'vovich. *Grecheskie rukopisi i dokumenty v Rossii v XIV – nachale XVIII v.* [Greek Manuscripts and Documents in Russia through the 14th – beginning of the 18th centuries]. Moscow: Indrik Publ., 2003. 512 p. (in Russian).

- Halkin, François. La légende grecque de saint Érasme [The Greek legend of Saint Erasmus], in *Analecta Bollandiana*. 1983. Vol. 101. Fasc. 1–2. P. 5–17.
- Istoriya russkoy perevodnoy hudozhestvennoy literatury* [History of Russian Translated Belle lettres]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1995. Vol. 1. 316 p. (in Russian).
- Kovtun, Lyudmila Stepanovna. *Azbukovniki XVI–XVII vv.: Starshaya raznovidnost'* [ABC Arranged Dictionaries of the 16th–17th centuries: The Oldest Version]. Leningrad: Nauka Publ., 1989. 296 p. (in Russian).
- Loparev, Hrisanf Mefodievich. Zametka o sochineniyakh prep. Maksima Greka [The Note about the Works of Reverend Maxim the Greek], in *Bibliograficheskaya letopis'*. Petrograd, 1917. Vol. 3. P. 50–70 (in Russian).
- Maksim Grek. *Sochineniya* [The Works]. Moscow: Indrik Publ., 2008. Vol. 1. 568 p. (in Russian).
- Pravoslavnyaya entsiklopediya* [Orthodox Encyclopedia]. Moscow: Orthodox Encyclopedia Publ., 2008. Vol. 18. 752 p. (in Russian).
- Ramazanov, Natal'ya Vasil'evna. *Moskovskoe tsarstvo v tserkovno-pevcheskom iskusstve XVI–XVII vekov* [Moscow Tsardom as Reflected in Church Chanting Art of the 16th–17th centuries]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 2004. 456 p. (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasil'evna. Maksim Grek i Savonarola [Maxim the Greek and Savonarola], in *Feodal'naya Rossiya vo vsemirno-istoricheskom protsesse*. Moscow: Nauka Publ., 1972. P. 149–156 (in Russian).
- Sinitsyna, Nina Vasil'evna. *Maksim Grek* [Maxim the Greek]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2008. 236 p. (in Russian).
- Speranzi, David. Michele Trivoli e Giano Lascari, in *Studi Slavistici*. 2010. Vol. 7. P. 263–297.
- Sudnye spiski Maksima Greka i Isaka Sobaki* [The Court Protocols on the Cases of Maxim the Greek and Isaak Sobaka]. Moscow: Archaeographical Commission of the Academy of Sciences of the USSR Publ., 1971. 194 p. (in Russian).
- Ševčenko, Ihor. On the Greek Poetic Output of Maksim Grek, in *Byzantinoslavica*. 1997. Vol. 58. Fasc. 1. P. 1–70.
- Ševčenko, Ihor. On the Greek Poetic Output of Maksim Grek, in *Palaeoslavica*. 1997. Vol. 5. P. 181–276.
- Ševčenko, Ihor. Gleaning 1: On the Term «ἀνωτάτου Ῥωσίας» in Maksim Grek Once More and on Prince Vasiliy III's Purported «Admonitiones» to the Future Ivan IV, in *Palaeoslavica*. 1998. Vol. 6. P. 291–294.
- Ševčenko, Ihor. Chetyre mira i dve zagadki Maksima Greka [Four Worlds and Two Enigmas of Maxim the Greek], in *More i berega: K 60-letiyu S. P. Karpova ot kolleg i uchenikov*. Moscow: Indrik Publ., 2009. P. 477–490 (in Russian).
- Tvorogov, Oleg Viktorovich. *Perevodnye zhitiya v russkoy knizhnosti XI–XV vekov: Katalog* [The Translated Vitae in Russian Writings of the 11th–15th centuries: Catalogue]. Moscow; St. Petersburg: Alliance-Archaeo Publ., 2008. 144 p. (in Russian).
- Παπαμιχαήλ, Γρηγόριος. Μάξιμος ὁ Γραικός ὁ πρῶτος φωτιστής τῶν Ρώσων [Papamichail, Gregorios. Maxim the Greek, the First Illuminator of Russians]. Athens, 1951. 312 p. (in Greek)
- Τσιλιγιάννης, Κωνσταντῖνος. Ἁγίου Μαξίμου τοῦ Γραικοῦ ἱερά Ἀκολουθία γιὰ τόν ἅγιον Ἐρασμο [Tsiliianis, Konstantinos. The Saint Akoluthia in the Honour of Saint Erasmus by Saint Maxim the Greek]. Mount Athos, (2005). 48 p. (in Greek)